

Дети, выросшие в деревне, не могут быть «золотыми рыбками», которые никогда не получали наказаний!

Ши Фан, сидя на спине Ши Вэя и обхватив его шею, совсем не боялась.

Получить наказание? Ну и что! Она уже съела то, что хотела, и теперь ей было всё равно!

Ши Вэй уворачивался, но всё же получил семь или восемь ударов, а Ши Чанцай, красный от гнева, тяжело дышал и смотрел на него.

— Папа, мама, я просто думал о нашем будущем бизнесе! — Ши Вэй упорно придерживался этого оправдания.

— Думал о бизнесе? И для этого нужно было испортить батат? — Ши Чанцай смотрел на него с гневом.

— После того как тайфун пройдёт, мы начнём продавать. Если мы выкопаем батат сейчас, он не будет мокрым. А если тайфун будет слишком сильным, мы можем потерять больше, чем если бы выкопали его сейчас. К тому же сейчас батат нежный, я боялся, что позже он станет старым, и мы не сможем продать его по хорошей цене!

Ши Чанцай молчал, только тяжело дышал и смотрел на сына.

— Ты собрал батат сейчас, а как мы будем платить налоги?

— Не беспокойся об этом, мы сможем заработать! Потом купим немного зерна и заплатим! — Ши Вэй упрямо ответил.

Ши Чанцай не сказал, что он совсем забыл о сельскохозяйственном налоге.

После того как он стал инвалидом, Ши Чанцай уехал на заработки, а Дун Сюйюань и Ши Фан заботились о нём и обрабатывали поле. Но Ши Вэй больше не занимался домашними делами. Хотя он позже оправился от травмы и погрузился в работу, его деятельность не имела ничего общего с сельским хозяйством.

Он не имел никакого контакта с этим, и у него не было глубоких воспоминаний о налогах. Ши Вэй давно забыл, что нужно платить сельскохозяйственный налог.

Ведь после 2006 года он слышал только о субсидиях и забыл, что за землю нужно платить налог.

Но это было не так важно. В уезде Чаньюй сельскохозяйственный налог платился после сбора урожая, а у них было совсем немного земли, так что налог был небольшим.

Хотя это звучало неприятно, большая часть их дохода не зависела от той земли, с которой нужно было платить налог.

Большая часть заброшенных гор в деревне была разделена между жителями, которые сажали там овощи, картофель и батат. Пока это не было чрезмерным, никто не обращал на это внимания.

Ши Вэй говорил легко, но Ши Чанцай не мог расслабиться. Он бросил палку и сел на стул, молчаливый.

Ши Вэй знал, что его отец был расстроен, и его взгляды не могли измениться за один день.

Хотя Ши Вэй уверенно приводил множество причин и даже заработал немного денег, Ши Чанцай всё равно был в панике!

Тень спекуляций прошла совсем недавно, и они не знали, как долго продлится их удача с продажей на улицах. В любой момент их могли забрать вместе с тележкой, и никакие объяснения бы не помогли.

Дун Суйюань боялась, Ши Чанцай боялся, и поэтому, как бы Ши Фан ни уговаривала их взять её с собой в город, Ши Вэй ни разу не соглашался.

Если бы их арестовали, то пусть лучше взяли только их двоих, оставив детям хоть какие-то деньги. Но если бы забрали и детей, то не осталось бы никакой надежды.

Одному было десять, другому — восемнадцать, и впереди у них была долгая жизнь. Ни в коем случае они не должны были оказаться в тюрьме.

Ши Вэй не понимал мыслей своего отца. Его мировоззрение уже изменилось, но оно не могло так быстро адаптироваться к бедным 80-м. Ши Вэй из XXI века был успешным предпринимателем с хорошей репутацией и пониманием политики, но Ши Вэй из 80-х ещё не обладал таким глубоким пониманием. Не то чтобы он был глупым, просто это было связано с памятью.

Воспоминания Ши Вэя о 80-х были смутными. Кто бы мог подумать о событиях тридцатилетней давности так ясно, как будто это было вчера?

Особенно из-за разницы в положении: один мыслил глобально, а другой нуждался в микроскопическом подходе, и между ними была огромная разница.

Ши Чанцай слышал о случаях, когда за продажу сигарет сажали на пожизненное, и боялся, что сам станет таким примером. Но Ши Вэй не слышал об этом и не видел, особенно зная, что вскоре появятся новые законы, и вся экономическая деятельность будет переопределена, поэтому он не боялся.

Ши Чанцай был не из смелых. Он никогда не выезжал за пределы уезда, даже своё имя писал с трудом. Он был необразованным и не имел мыслей, напуганный войной, бедностью и голодом. Если бы не необходимость кормить и лечить семью из четырёх человек, он никогда бы не занялся таким рискованным делом, как спекуляция.

— Папа, всё в порядке. Сейчас у нас ежедневная прибыль в десятки юаней, и у нас есть деньги для погашения долгов. Я обещал тебе, что не трону эти деньги. В худшем случае мы потеряем лишние деньги, но в целом мы всё равно в плюсе.

Ши Вэй думал, что Ши Чанцай беспокоится о возможных убытках, и поэтому заверил его:

— Я оставлю десять юаней на случай, если нужно будет купить зерно для уплаты налогов. Мы не окажемся в ситуации, когда не сможем заплатить налоги.

Ши Чанцай глубоко вздохнул:

— Делай, как знаешь. У тебя есть знания и образование, ты понимаешь больше, чем я.

Спина Ши Чанцай словно согнулась в одно мгновение, и Ши Вэй, видя это, почувствовал боль. Он посадил Ши Фан на пол и пододвинул стул к отцу, положив руку на его плечо:

— Папа, ты съел больше соли, чем я съел риса. Конечно, ты понимаешь больше, чем я.

— Помнишь, когда кто-то начал продавать маринованную редьку, я предложил снизить цену, а ты сказал, что нельзя. К счастью, ты настоял на своём, иначе мы бы сейчас не смогли погасить долги!

— Но это не оправдание для того, чтобы тратить масло! — Ши Чанцай, немного успокоившись, снова начал ругать Ши Вэя с прежней силой.

Ши Вэй, получив выговор, не разозлился, а наоборот, внутренне вздохнул с облегчением. Этот инцидент, наконец, был исчерпан.

На ужин были батат и шарики из батата. Ароматные золотистые шарики сверкали, а в комнате всё ещё витал запах рапсового масла и батата. Каждый вдох казался возвышенным.

Масло, сахар, рисовая мука — всё это было либо деликатесом, либо дорогими продуктами. Даже батат был нежным и свежим.

Но на столе было только два шарика.

Ши Вэй приготовил двадцать один шарик. Ши Фан съела шесть, он сам — один, и осталось четырнадцать. Дун Сюйюань дала Ши Фан и Ши Вэю по одному шарик, а остальные спрятала.

— Мама, брат уже дал мне много. Я больше не могу, ты съешь. — Ши Фан положила шарик в миску Дун Сюйюань, говоря, что не хочет есть, но её глаза всё равно не отрывались от шарика.

Сладкое, кислое, горькое, солёное — но только сладкое было тем, что люди любили с рождения. Это было естественно, без всяких причин.

Независимо от дофамина, привычек или неудовлетворённых желаний, сладкий вкус имел особое значение.

Ши Фан с детства не ела ничего сладкого, и для неё даже сладкое не казалось сладким. Её терпимость к сладкому не была развита, и после первого раза она полюбила его ещё больше. Это было как котёнок, сидящий рядом с её сердцем. Он прятал острые когти и только мягкими лапками царапал её изнутри, но между ними была кожа и кости, и она не могла дотянуться до него!

— Мама, папа, попробуйте. Когда тайфун закончится, мы перестанем продавать маринованную редьку. — Ши Вэй тоже сказал. Дверь дома не была заперта, единственный замок был на шкафу, где хранились все ценные продукты Дун Сюйюань.

Ши Вэй смог достать масло и рисовую муку только потому, что Дун Сюйюань дала им ключ, чтобы они могли поесть днём. Но судя по всему, теперь ни он, ни Ши Фан не смогут прикасаться к ключу ещё долгое время.

— Зачем переставать продавать маринованную редьку? Она продаётся хорошо, можно продавать и то, и другое! — Дун Сюйюань была категорически против, её лицо стало мрачным.

Ши Чанцай, хоть и не говорил ничего, но по его виду было видно, что он тоже недоволен.

— Мы будем продавать не только шарики из батата, но и свинину.

- Уезд Чаньюй — вымышленное административное образование
- Сельскохозяйственный налог — отменён в Китае в 2006 году

<http://bllate.org/book/16388/1483856>